

Бельгийцы открывают Булгакова*Независимая газета. - 2000. - 14 нояб. - с. 7*

В ОЧЕНЬ популярном и престижном брюссельском театре на площади Мартир — в «Театре на Свободе» с аншлагом идет «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова в постановке режиссера Даниэля Скаеза. Инсценировку подготовил Тьерри Дебру, который в беседе с корреспондентом «НГ» рассказал о своей работе над пьесой.

«К решению сделать из романа театральную постановку я пришел интуитивно, читая это произведение, проникаясь им и восхищаясь. Он захватил меня полностью, и я буквально загорелся желанием перенести его на сцену! Впрочем, по-моему, и сам Булгаков — он ведь драматург — писал свой роман с расчетом на то, что он увидит сцену — в нем есть все необходимые элементы для театра и кино. Поразительна проницательность и дальновидность Булгакова: эта вещь интересна тем, что передает эпоху сталинизма, и в то же время она актуальна сегодня, созвучна тому, что происходит сейчас на Западе. Это философский диалог автора с обществом, диалог, в котором звучит беспощадная ирония, сарказм. Я много смеялся, читая роман, одновременно печалюсь и все глубже проникаюсь темой, «Мастер и Маргарита» — это тонкая и едкая критика сталинизма, но также и пощечина западному либерализму, это социологическое исследование и потрясающая история любви...

Одним словом, в этом романе есть все, он насыщен массой интересных поводов для размышлений, для осознания происходящего в мире. Мне предстояло проделать сложную работу — 450 страниц текста ужать до пьесы, причем так, чтобы не исказить, не предать автора, чтобы остаться верным его замыслу. Прежде всего требовалось найти стержень, точный и определенный угол зрения, и я его нашел — это признание виновности общества и каждого человека в отдельности за существующее зло и требование искупления этой вины. Изучая материалы о Булгакове, я обнаружил такой факт: через всю свою жизнь он пронес чувство вины за то, что в двадцатилетнем возрасте, оказавшись свидетелем расправы толпы с евреем, не оказал ему помощи... Конечно, этот эпизод из биографии Булгакова не проясняет всего, что упрятано в аллегориях романа, но тем не менее дает ключ к его пониманию».

Мы прогуливаемся в театральном помещении, бродим в кулисах, где рабочие сцены готовят декорации для вечернего спектакля. Дебру снова возвращается к тому, как ему было трудно сделать из романа пьесу.

«...Ведь сценический вариант намного короче, чем объемная книга. Зритель должен довериться постановщику, его интерпретации произведения. Для театральной адаптации пришлось кое-что переменить. На-

пример, наш спектакль начинается сразу с эффектной сцены, когда Воланд демонстрирует искусство магии в театре и производит всевозможные манипуляции со зрителями. В романе, как известно, это в глубине повествования».

В разговор включается Даниэль Скаез развивая мысль, что роман Булгакова — это длинный коридор со множеством дверей и какую из них ни откроешь — находишь для себя что-то новое, неожиданное.

«...Поэтому вполне может быть десять тысяч интерпретаций того, что содержит в себе это произведение! Даже мы с Тьерри во многом расходимся при постановке романа на сцене, не, по-разному видим и понимаем автора. Во всяком случае, Булгаков убеждает, что Сатана — в облике Воланда — может находить применение своим каверзам лишь в бездушной, бессердечной среде. Это относится не только к описываемому периоду сталинизма. Разве жестокость, пошлость, бездуховность не присущи нашему обществу в эпоху так называемой глобализации? Я считаю так: если мы этим спектаклем пробудим хотя бы у десяти зрителей из ста желание прочесть роман целиком, значит мы сделали благородное дело и внесли вклад в борьбу с человеческой глупостью. Не в этом ли миссия и призвание театра?» ■

Владимир КАТИН
Брюссель